

18+

Александр Бутенин

Тени Петербурга

стихи о городе

Александр Бутенин Тени Петербурга. Стихи о городе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338628
ISBN 9785449880437*

Аннотация

Все стихи в сборнике посвящены Северной столице. Город предстает перед читателем в разные исторические эпохи и во все времена года. Он постоянно меняется. Неизменными лишь остаются чувства восхищения и любви, которые автор питает к Петербургу.

Содержание

Честное Петербургское	5
Правдиво про Питер	7
Коренное Ленинградское	9
Мой Питер	12
Ночная прогулка с Дворцовой до Невского	14
Аллегии Петербурга	16
Пасхальный Петербург	18
Наводнение	20
Вступает в серый город серый день	21
Пустынный Петербург	23
Поездка в Павловск	24
Утраченная радость демонстраций	27
Я сижу на Лиговке, в пивной	29
Бухня по-петербужски	30
Предпочитаю пить на парапетах	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тени Петербурга

Стихи о городе

Александр Бутенин

© Александр Бутенин, 2020

ISBN 978-5-4498-8043-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Честное Петербургское

Адмиралтейства острым шприцем,
и Петропавловки иглой
с рождения я привит к столице —
прекрасной, чопорной и злой.

Надменный, томный Петербург —
сканворд из улиц, переулков.
Ты черен в сумерках и бур,
но так приятен для прогулки.

Воспринимаю город я,
как воду впитывает губка.
Дым, коромыслом города,
меня сопровождает трубка.

Многоступенчатая биржа
между ростральных двух колонн,
богатства символ и престижа,
не отвечает на поклон.

Нева порой меняет лица,
свидетель – университет.
Нахалка, ей бы лишь пролиться
волною через парашет.

Загадочный в густом тумане
архитектурный сталагмит,
в подсветке желтой, как в пижаме,
Исаакий грузный мирно спит.

Кунсткамеры прозрачный глобус
в прохладе ночи запотел.
Перекурить решил автобус,
устав от человеческих тел.

Но мне его услуг не надо,
фонарные сочтя столбы,
иду, вытаскивая взглядом
людские лица из толпы.

Мостов изогнуты ресницы.
Мосты – смешные горбунки.
Весной под ними рыба мчится
с Невою наперегонки.

Хоть это корюшка простая,
а не какой-нибудь осетр,
мы вторим хору чаек стаи:
«За Петербург спасибо, Петр!»

Правдиво про Питер

Эй, друзья, так всю жизнь проспите,
развалились тут как моржи!
Я хочу говорить про Питер
только правду, ни капли лжи.
Этот город мне слишком дорог,
город грусти, тоски, тревог.
Где случайных знакомых – ворох,
и среди них ты так одинок.
Город каменный и бетонный
на фундаменте из костей.
Здесь накоплены грязи тонны
и всегда навалом гостей.
Этот город серого цвета
В нем холодного сердца гранит
позволяет гибнуть поэтам,
не спасает и не хранит.
Город звонкий и город гулкий,
перерезанный венами рек,
предназначенный для прогулки
по столетьям – из века в век.
Город чахлый, но столь надменный,
что лорнирует вас в лицо.
Кашель с насморком неизменны,
Как и сырость внутри дворцов.

Тут замена смеху – улыбки,
и всегда говорят на «вы»,
и не смоешь свои ошибки
ледяною водой Невы.

Если вас огорчил – простите!

Это приступ моей хандры.

Все, что я рассказал про Питер,

Позабудьте, будьте добры!

Коренное Ленинградское

Говорю как о награде
(комментарии не нужны):
я родился в Ленинграде —
в лучшем городе страны!

В невском городе-ковчеге
нереальной красоты.
По одной из привилегий
с Ленинградом я на «ты».

И частенько спозаранку
прогуляться выйти рад.
Видел города изнанку,
знаю города фасад.

Плавал я в его каналах,
ставил сфинксов на дыбы,
обнимал (а их немало)
все фонарные столбы.

Прыгал с набережных в реку,
меж Казанского колонн
отказался с человеком
пить тройной одеколон.

В полдень я палил из пушки,
не жалея средств и сил.
На Дворцовой пел частушки,
сетью корюшку ловил.

Рыб прикармливал попкорном.
С оборота головы
меня слушались покорно
даже каменные львы.

Я в метро спускался чрево
и на шпители лазил ввысь.
Помню, пивом с подогревом
угощал мышей и крыс.

Пожиная поэта лавры,
разводил, сводил мосты.
В Александро-Невской лавре
записался в монастырь.

Ездил с кучей пересадок,
принимал фонтанов душ,
шавермой кормил лошадок,
голубей поил из луж.

Град величия и азарта
остро чувствую нутром.
С Пушкиным играю в карты,

трубочку курю с Петром.

Эрмитажу я – не всякий,
а, практически, родной.
И зовет меня Исаакий
влезть на купол в выходной.

Я знаком с архитектурой.
В прошлом – университет.
Мне в саду порой скульптуры
назначают тет-а-тет.

Этот город в моем вкусе,
я бывал и тут и там.
Иногда вожу экскурсии
по довлатовским местам.

Город стал мне добрым другом,
мною с рождения любим.
Пусть зовется Петербургом,
Ленинград – неистребим.

Мой Питер

Обожаю милый Питер!
Я об Питер ноги вытер.
Нет, вернее, я их стер.
Он ухабливо остер,
он ступенчато неровен,
полон он Невозной крови,
кровельно и крышно ржав,
стенокаменно шершав.
Он слезливо-дождетворен,
озаборенно-соборен,
он кладбищенски осклепен
и скульптурно-барельефен,
палисадно-садовит
и фатально се ля вит.
Он оградно-парапетен,
магистрально трафаретен,
многомостово горбат,
он – мой папа, он – мой брат,
он мой близкий, он во мне,
он прекрасен при луне,
он трагичен без луны,
как и я, он ждет весны.
Безучастный и немой —
самый лучший, самый мой!

Ночная прогулка с Дворцовой до Невского

Ночь. Мосты разведены
(ну совсем как мы с тобой).
В ожидании весны
реют чайки над Невой.

Старый мраморный Palace,
чувств являя глубину,
сотней томных окон-глаз
Петропавловке мигнул.

Тихо дремлет Летний сад —
ни мольбертов, ни натур.
Он и сам, как будто, рад
отдохнуть от всех скульптур.

Поле Марсово во сне,
меч Суворова востер,
на кустах сирени снег,
в центре светится костер.

Еле теплится огонь,
воздух призрачно дрожит,
греют ноги и ладони

осовевшие бомжи.

Мойка силится Фонтанку
в этом месте смыть и смять,
пел тут чижик спозаранку,
кто-то спер его опять.

Инженерный мрачный замок
под луной бросает тень —
Тайн хранитель жутких самых
(пересказывать их лень).

Петр верхом (один из многих),
Конь – уставший и хромой.
Жаль зверюг бронзовоногих.
Не пора ли нам домой?

По Кленовой и Садовой
на Гостинку мы бегом.
Завтра нужно будет снова
прогуляться вечерком...

Аллегии Петербурга

Шпиль Петропавловки, как штык,
вонзенный в тушу облаков.
Из золота отлитый клык,
сияет, видите, каков!

На крепость сверху бросим взор:
как черепаха или краб:
тут – «равелиновый» узор,
и «бастионовых» шесть лап.

Вон биржевой колонн оскал,
его в одной из катастроф
волнами ветер полоскал
в ростральном зареве костров.

Шкатулка Спаса-на-Крови,
как разноцветный леденец
на месте взрыва. C'est la vie...
А вот любимый мой дворец:

в кирпично-розовом каре
полно загадок, вензелей.
Не ставши замком для царей,
он – привидений мавзолей.

Над лучшей из площадей,
расставшись с арочным мостом,
шестерка буйных лошадей
несется к ангелу с крестом.

Повсюду виден сей маяк
Александрийского столпа —
свидетель разных передряг,
его не смыла и толпа.

А «Зимний» даже летом хмур.
На крыше выстроены в ряд
шеренги мраморных скульптур,
как шахматных фигур парад.

В тебя мы, Питер, влюблены —
в твои дворцы, дома, дворы.
Они прекрасны и чудны,
как сновидения детворы.

Пасхальный Петербург

Природы сон воскресным утром
нарушен звуками весны.
На небе нежным перламутром
сияют тучи-валуны.

Деревьев легкие антенны
не скрыты патиной листвы.
Морской водой набухли вены —
Фонтанки, Мойки и Невы.

Насквозь пронзают спящий город
рапиры солнечных лучей.
Из церкви в церковь льется скоро
народа праздничный ручей.

Блестит червонно купол храма,
и слышен целый день окрест,
как будто кукольное «ма-ма»,
людской рефрен: «Христос воскрес!»

Колоколов сопрано-меццо
повсюду радостный напев.
Ну, что ж, пора и разговеться,
на стол пасхальный налетев.

Наводнение

Шуршат листвою плиты тротуаров,
и вьется змейкой желтенький песок,
деревьев многочисленные пары
ветвями «голосуют» вдоль дорог.
На небе солнце делит синь с луною,
осенний ветер наомашь бьет в лицо,
тоска любви, испытанная мною,
сбродила кровь в искристое винцо.
Лучами купол Смольного играет,
прохожих дам порою слышен визг,
попавших под фонтан, что исторгает
брильянты капель тысячами брызг.
Сегодня обещали наводнение.
Затопит Питер к черту, ну и пусть.
Вот сердце не спасти от затопления
возникшей вдруг волной прошедших чувств.
Ветрюга, воя, хочет всех обидеть.
Едва дождусь, пока наступит шесть.
чтобы пойти, воочию увидеть
ручной Невы взъерошенную шерсть...

Вступает в серый город серый день

Вступает в серый город серый день,
но лампочки в домах почти не гаснут.
И ватты килограммами напрасно,
по окнам судя, тратятся везде.

Привычно всем, кто в Питере рожден.
Погоду нашу осуждать не мне бы.
Уже с утра простуженное небо
сморкается хроническим дождем.

С водой смешалось снега молоко,
умножилось количество проталин,
и сразу же отчетливее стали
заблудшие следы снеговиков.

Хлебают обувь сброженный кефир.
Как не хватает городу мороза!
Кусты торчат пучками голых розог,
подобно фасцам ликторских секир.

Стук капель образует метроном.
Мы хмуро его слушаем, скучая,
и ждем весны под крики наглых чаек,

вонзивишиися в карканье ворон.

Пустынный Петербург

Уверен, что так мыслю не один:
как Питеру к лицу сей карантин!
Безлюдье, тишина и пустота
так украшают здешние места.

В Европу замуровано окно,
и в Азию забито заодно.
Не будут нынче флаги в гости к нам,
и город не глядит по сторонам.

Покоен он, изящен, свеж и чист,
блестяще элегантен, как артист.
Мечтательно задумчив, как поэт.
Прекрасен Петербурга силуэт!

Поездка в Павловск

Прошел весенний ливень,
сияет неба купол.
Как быть? Вопрос наивен —
торчать в квартире глупо.
Давление упало,
скорее в электричку,
махнем, пожалуй, в Павловск
с двоюродной сестричкой.
С вокзала через площадь
войдем в ворота парка.
Эх, оседлать бы лошадь
И сквозь деревьев арку!
Слоняемся бесцельно
и на судьбу не ропщем.
А кто-то любит Стрельну,
предпочитает Ропшу.
фонтаны Петергофа
иль Царского аллеи —
и тут, и там – неплохо,
но Павловск нам милее,
С ландшафтом сплошь неровным —
(отвес достать бы впору),
был создан Камероном.

Взбираемся на гору:
дворец, скульптур шеренги,
красивые под осень,
завершены Кваренги
и Бренной с Карлом Росси.
Идем реки зигзагом
левее Дружбы Храма.
Вон росписи Гонзаго —
какая панорама!
«Славянки» вьется лента,
задумавшись о чем-то.
Я помню здесь студентом
готовился к зачетам.
Дворец похож на краба,
а флигели, как клешни.
Царь (памятник) – араба
напоминает внешне.
Сейчас нам всыплет тростью,
поверь, не будет мало,
для Павла это просто.
Бежим скорей к вокзалу!
По лестнице со львами,
через горбатый мостик.
Последними словами
честим владельца трости.
Несемся без усилий,

как если б на медали,
жаль Старой, Новой – Сильвий
сегодня не видали.

Потом прудов долиной
выходим в «круглый зал» мы.

и катимся лавиной
к далекому вокзалу.

Одышка с непривычки,
но все-таки успели
к последней электричке
с сестренкой еле-еле.

Друг к дружке обернемся:
да-а-а, с лиц как будто спал лоск,
но мы в тебя вернемся,
и очень скоро, Павловск!

Утраченная радость демонстраций

Я с детства помню демонстрации,
из двух приятней та, что в мае.
Пусть не цвели еще акации,
но все уже плащи снимали.

Обычно солнышко светило,
жару гнала прохлада ветра.
В колонне от «Электросилы»
мы шли почти шесть километров.

По направлению к Дворцовой,
но чаще до Садовой только.
Хватало горсти леденцовой
на путь весь мне и другу Тольке.

Людьми запруженный Московский:
плакаты, флаги, транспаранты,
лотки на каждом перекрестке
и духовые музыканты.

Мы в небо шарики пускали,
а все вокруг на них смотрели,
и уносились они в дали,

под звонкие свистулек трели.

По радио гремели речи.
Бравурны были, но не четки.
Их пафосу противореча,
шумели детские трещотки.

Папаши, сговорившись взглядом,
тайком ныряли в заведение.
– Ну, только что ведь были рядом!
терялись мамы в изумлении.

Детей сажали на машины,
кричали: «только осторожно!»
И дня заветною вершиной
бывал визит в кафе-мороженое.

В душе восторг, на сердце ясно,
и небо было синее-синее,
казалась жизнь тогда прекрасной,
а ныне – холод, мрак, уныние.

Я сижу на Лиговке, в пивной

Я сижу на Лиговке, в пивной.
Сумрачно, уютно и красиво.
Льет снаружи дождик проливной,
А внутри без меры льется пиво.
Позади рабочий серый день.
Впереди еще не брезжит утро.
В голове чуть теплится мигрень.
Сухари покрыты соли пудрой.
В воздухе клубится серый дым.
На столах темнеют пепла горки.
Если и торчу тут со среды,
Ведь не факт, что я пропойца горький?
Здесь священнодействует бармен,
Он читать мои умеет мысли:
Пиво за стекло – таков обмен;
Пены облака по краю свисли.
Кружка тяжела и холодна,
И кругом приятно запотела.
Ну... еще одна. еще одна...
Просит так душа. На пару с телом.

Бухня по-петербужски

Итак, мой друг, ты едешь в Питер,
с тобою литр вискаря,
ведь ты везешь, конечно, литр?
не отпивая втихаря.

Я жду тебя ежеминутно,
пусть за окошком холод, мрак,
но булькает весьма уютно
отяжеленный твой рюкзак.

Тебя, как друга, я не брошу,
хоть ты здоровый обормот,
я разделю с тобою ношу,
переместив вискарь в живот.

У нас сегодня путь не близкий,
и ты прибыл издалека,
так в перерывах между виски
давай хлебнем еще пивка?

Как Маяковский и Есенин,
в начале самом октября
мы бродим в городе осеннем,

бухаем, проща говоря.

Предпочитаю пить на парапетах

Предпочитаю пить на парапетах
прекрасной и волнительной Невы.

Простите мне, друзья, привычку эту,
уверен я, меня поймете вы.

Ведь прихоть моя вовсе не нелепость,
вас убедить смогу наверняка.

У водки в сих местах двойная крепость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.